

Рамос чувствовал себя в этот момент просто ужасно.

— Отличная идея, Чена. Раз Серхио пригласил, поезжай с ним в Мадрид, развеешься, — старик Мулис стоял в дверях кухни и улыбался.

Его Чена был слишком замкнутым и нелюдимым. Старику хотелось, чтобы тот больше общался с друзьями и в такой оживленный день выбрался из дома, а не кис целыми днями в четырех стенах.

— А как же ты? — Чена нахмурился. Неужели в рождественскую ночь он оставит отца одного ужинать, а потом тот будет сокрушаться о своем одиночестве?

Этот толстячок на словах был храбрецом, но на деле боялся одиночества больше всего на свете. Сам же Чена-Мулис не планировал проводить праздники вне дома. Он хотел быть рядом с отцом, и даже если это не могло исправить всё, он надеялся сделать его счастливым настолько, насколько это было возможно.

— Оставь, мой маленький Чена. Мы с приятелями уже давно договорились: сегодня вечером будем играть в карты, петь песни и выпивать. Я даже думал, как бы мне от них отвертеться, раз ты здесь...

Значит, теперь он стал обузой?

— Пей поменьше.

Мулис больше ничего не сказал. Он встал, прошел в комнату, накинул пальто, бросил отцу короткое напутствие и вышел из дома вместе с Серхио Рамосом.

Рамос на мгновение замер, а затем расплылся в широкой улыбке. Он помахал старику на прощание, и тот проводил взглядом двух мужчин, которые сели в машину Рамоса и скрылись за поворотом.

Как только автомобиль исчез из виду, улыбка на лице старика Мулиса угасла. Он обессиленно опустился на диван — именно на то место, где только что сидел его сын, — и, опустив голову, замер, словно погрузился в сон.

Мулис сидел на пассажирском сиденье, потирая подбородок и глядя в окно. Рамос то и дело поглядывал на него, но обнаружил, что парень ни разу не посмотрел в его сторону. Мулис словно ушел в себя, погрузившись в глубокие раздумья.

— У отца что-то случилось? — внезапно спросил Рамос.

— М? — Мулис отозвался с задержкой.

— Ты с самого выхода из дома какой-то сам не свой. Должно быть, дело в отце. — Рамос не видел между ними никаких проблем, да и настроение у старика было отличным, поэтому он никак не мог взять в толк, что именно так беспокоит Мулиса.

Мулис ничего не ответил, лишь достал телефон и быстро набрал несколько строк.

Старик Мулис, все еще сидящий на диване, вздрогнул от вибрации в кармане. Увидев на экране крупную надпись Сын, он заметно оживился.

Рамос привез Мулиса прямиком в Мадрид.

Город был пропитан праздничной атмосферой. Традиционные зимние декорации заполнили каждый уголок: улицы сияли гирляндами, витрины пестрели подарочными коробками, елочными украшениями и игрушками. Люди собирались на площадях и в барах, стараясь согреться в компании друг друга и разделить радость Рождества.

Они припарковали машину на стоянке неподалеку от большой площади, где уже собралась толпа. Перед выходом Рамос достал с заднего сиденья пакет и выудил оттуда парики, темные очки и огромные шарфы. Комплекты были на двоих — для него и для Мулиса.

— Давай как следует отпразднуем Рождество, маленький Мулис. — Маскировка была нужна, чтобы они могли спокойно гулять: и Рамос, и Мулис были слишком известны в Испании.

Против очков и шарфа Мулис ничего не имел, но рыжий парик казался ему верхом безвкусицы. Он уже хотел предложить Рамосу поменяться, но, увидев у того в руках ярко-зеленый вариант, решительно отбросил эту мысль.

После перевоплощения они выглядели как типичные модные парни, только вот Рамос сохранял свою природную небрежность, а Мулис, шагающий с прямой спиной и безупречно поправленным париком, смотрелся крайне комично.

Мулис шел впереди, не меняя своей обычной манеры держаться. Рамос следовал за ним, прикрывая рот рукой, чтобы не расхохотаться. Мулис чувствовал на себе взгляд, но стоило ему обернуться, как Рамос тут же принимал серьезный вид.

— Иди вперед, — бросил Мулис. Так хотя бы не придется чувствовать, что за спиной кто-то

постоянно следит.

— Зачем вперед? Идем рядом, — Рамос поравнялся с ним и по-хозяйски закинул руку на плечо.

Раньше он делал это сотни раз. Чена-Мулис был холодным и не любил, когда к нему прикасаются, но Шуй Е не был бы собой, если бы не игнорировал это. Он постоянно лез обниматься, словно нарочно доставляя Мулису дискомфорт. Однако даже Рамос признавал: за этот год Мулис привык к прикосновениям. По крайней мере, теперь на его «вольности» — вроде внезапного взъерошивания волос — Мулис реагировал лишь недобрым взглядом.

В этот раз у Рамоса была цель. Он хотел понять, действительно ли влюблен. Помимо волнения при встрече, физический контакт должен был вызвать в душе какие-то перемены. Раньше он не задумывался об этом, а теперь, осознанно прислушиваясь к себе, почувствовал разницу.

Его рука лежала на плече, а Мулис шел вперед, никак не реагируя. Рамос глубоко вздохнул, прислушиваясь к ощущениям. Внутри было спокойно. Никаких пошлых мыслей, как вчера. Значит, он в порядке? Значит, не влюбился?

Этот вывод привел Рамоса в восторг. К черту всё! Настоящий мужчина должен любить красивых женщин! Он ни за что не влюбится в парня, Серхио Рамос еще должен осчастливить самую прекрасную женщину на свете!

— Серхио, я говорю...

Мулис внезапно обернулся. Рамос, пребывающий в эйфории, не заметил маневра и едва не врезался в него. Благодаря отличной реакции спортсмена он затормозил в последний момент — лицо Мулиса оказалось в паре сантиметров от его собственного.

Спокойствие внутри Рамоса взорвалось, словно связка петард. Его словно пронзило ядовитой стрелой прямо в сердце. Ужасное открытие. Ужасный факт.

Мулис дернул глазом и не выдержал, слегка подтолкнув Рамоса за его нелепую зеленую шевелюру.

— О чем ты думаешь? — Мулис не мог понять такого странного, почти безумного взгляда.

Рамос выглядел как дурак, который смотрит на женщину... на женщину, которая его очаровала? Мулис даже обернулся, чтобы проверить, не появилась ли впереди какая-нибудь красавица, из-за которой Серхио так отупел.

Обернулся — и правда увидел. Симпатичная испанка, светло-русые волосы, светлая кожа и фигура, от которой у мужчин перехватывало дыхание. Мулис мысленно вздохнул. Мужчины всегда падки на красоту, и Серхио — не исключение. А вот он, конечно, был исключением.

— Насмотрелся? — спросил Мулис. — Если да, то идем.

— М? А? — Рамос только сейчас слышал его.

Мулис покачал головой. Этот дурень безнадежен. Девушка была в лучшем случае средней привлекательности. С его вкусом — даже ниже среднего. И это при том, что Серхио повидал немало женщин...

Мулис зашагал прочь, не желая больше видеть его глупое лицо. Рамос поспешил догнать его.

— Маленький Мулис, что ты говорил?

— Я сказал, что ты выглядишь как идиот.

— ...

— Тогда почему ты внезапно остановился? Ты меня чуть не погубил!

Мулис снова остановился, повернулся и, протянув руку, медленно коснулся лба Рамоса. Тот затаил дыхание, хотел было отпрянуть, но Мулис щелкнул его по лбу.

— Ай, больно!

— Ты понимаешь, что всю дорогу ходил и глупо улыбался, чуть не раздавив мне плечо? — Рамос, конечно, не был таким хрупким, но его идиотское поведение раздражало.

— Неужели... Прости, маленький Мулис.

— Теперь в норме? Всю дорогу вел себя странно, я уж подумал, ты...

— Что подумал?

Мулис проглотил слово «влюбился». Оно звучало неуместно.

— Ничего.

— Ну скажи!

— Сказал же — ничего.

Так и шли они по площади: зеленый парик, который не отлипал от рыжего, выглядел как наглец, а рыжий сохранял ледяное спокойствие.

На Рождество нужно участвовать в праздничных активностях.

— Я ведь почему тебя вытащил? Чтобы ты не кис дома, почувствовал жизнь, — говорил Рамос.

— Не стоило.

— Считаю, что составил мне компанию, — смягчил тон Рамос.

— У тебя что, друзей нет?

— Друзей полно, но вот таких, с кем можно вот так погулять — единицы. — Рамос посмотрел на Мулиса и улыбнулся: — Особенно среди мужчин.

— Почему обязательно мужчин? — Мулис хотел спросить, почему именно он, ведь по своему характеру он был последним человеком, с которым стоило идти гулять.

— Если с женщиной, журналисты опять начнут писать всякое. Я не против сплетен, но лишних проблем лучше избегать.

Он не подозревал, что прогулка двух мужчин может вызвать еще более громкие слухи.

— В следующий раз не зови меня.

— Как можно! Маленький Мулис — мой первый выбор!

— ...

— Идем, идем, там интересно!

Рамос потащил Мулиса в самую гущу событий. На площади проходили традиционные инсценировки рождения Иисуса с пастушьими собаками, коровами и мулами. Мулис мало знал об этих традициях, а Рамос был слишком разговорчив и с восторгом комментировал всё подряд. Он даже хотел влезть в само представление, но Мулис вовремя его оттащил — если бы его узнали, избежать шумихи было бы невозможно.

Рамос был как большой ребенок, но в моменты искренней веры становился совсем другим — настоящим и живым. Когда он увидел детей, которые пели рождественские песни под аккомпанемент самбомбы, он заранее приготовил пакет сладостей, раздал их детям и, присев на корточки, пожелал им счастливого Рождества. В этот миг он был невероятно теплым.

Помимо зрелищ, была еда. Мулис был скрытым гурманом, и, несмотря на худобу, ел он за двоих. Рамос, знавший все лучшие закусочные Мадрида, с гордостью предлагал ему всё новые деликатесы. И Мулис был в восторге. С того дня, стоило Рамосу предложить прогулку, Мулис соглашался без раздумий — настолько, что это даже казалось странным.

Вечером они отправились в церковь слушать традиционные рождественские концерты. Музыка была великолепна, но Рамос, не выдержав, уснул, склонив голову. Мулис подумал, что, возможно, стоит как-нибудь познакомиться с музыкальными вкусами Серхио поближе. Оказалось, Рамос умел угадывать его желания — вечер был совсем не таким скучным, как он опасался.

— Приехали, добро пожаловать!

Рамос выскочил из машины, собираясь открыть дверь Мулису, но тот вышел сам. Он не женщина, такие знаки внимания были лишними.

Семья Рамоса жила в престижном районе Посуэло-де-Аларкон, недалеко от домов Криштиану и Кака. Поэтому Мулис часто бывал в этих краях, но именно в доме Рамоса оказался впервые.

— Как насчет видеозвонка с ребятами? Мы все в разных местах, но было бы здорово появиться в кадре вместе, — предложил Рамос.

Мулис кивнул, хотя выглядел немного напряженным. Рамос, окрыленный успехом дня, не заметил этого.

— Пойдем, покажу тебе дом. Мои родные очень добрые. У меня большая семья: папа Хосе, мама Паки, брат Рени, младший брат Рене, моя любимая сестра Мириам, маленькая племянница Даниэла...

Особняк был роскошным, с огромным садом, утопающим в зелени. Рамос уже хотел войти, но Мулис его остановил.

— Что такое?

— У тебя на волосах крем.

На макушке Рамоса прилип кусочек крема. Мулис хотел промолчать, но негоже было идти в дом в таком виде. Он достал платок и велел Рамосу наклониться, чтобы стереть пятно. Рамос замер, чувствуя, как от прикосновения платка по коже пробежала дрожь, а сердце заколотилось.

— Готово, — сказал Мулис.

Рамос выдохнул, но тут Мулис наклонился ближе. Рамос, и так на взводе, отпрянул, чем удивил Мулиса.

— А, это... — Рамос смутился, испугавшись, что его реакция была странной.

— Серхио, я только сейчас заметил, что у тебя всё тело в татуировках. Я знал про руки, но не про это. — Мулис потянул его за ухо, за которым красовался иероглиф «волк».

Он просто хотел рассмотреть тату поближе, не ожидая такой бурной реакции. Рамос же почувствовал, как у него подкашиваются ноги.

— Маленький Мулис, ты как смеешь тянуть меня за уши! — возмутился он, хотя внутри всё клокотало.

— Прости, я просто смотрел тату.

— Все равно нельзя.

— И что ты предлагаешь?

— Хм... теперь, если я буду звонить, ты обязан брать трубку.

— Слишком сложно, придумай другое.

Рамос сверкнул глазами. Отказ без раздумий? Значит, он действительно часто сбрасывал его звонки!

— Тогда не смей больше говорить, что у меня дурацкая прическа!

<http://bllate.org/book/18722/1809908>